

* * *

В гостинице «Центральной», на третьем этаже,
уже порядком пьяный, с досадой на душе,
поэт Вадим Корнеев, что искренность любил
в стихах, мне про евреев и русских говорил –

и дым тянулся плоский болгарских сигарет.
Он говорил, что Бродский – посредственный поэт.
Он говорил, искусно при этом матерясь,
что мы с культурой русской утрачиваем связь;

и, по столу вдруг стукнув могучею рукой,
гремел как репродуктор, а за его спиной
две вырастали тени архангелов-певцов:
соломенный Есенин, берёзовый Рубцов.

И мы сидели, словно Давид и Голиаф.
И знал я, безусловно, что он, сильнейший, прав.
От тёплой водки с перцем стоял в буфете гам,
а в голове вертелся извечный Мандельштам.

В ЛЕСНОЙ ГЛУШИ (ИЗ ХОЗЬЕРА)

В горячечном бреду лежал
и из последних сил
я звал тебя, покуда жар
меня не отпустил.

Когда пришёл в себя, вокруг
была густая тьма,
и жуткий чавкающий звук
сводил меня с ума.

Он всё заполнил собой,
он внутрь меня проник.
Внезапно из глуши лесной
донёлся женский крик.

Я побежал на крик во мгле,
и, наконец, в лесу
растерзанную на земле
увидел я лису.

О, этот взгляд, что полон слёз,
не в силах я забыть.
Я камень над лисой занёс –
мученье прекратить.

Холодный страх меня сотряс:
я ощутил спиной,
как пара чьих-то хищных глаз,
давно следит за мной.

Любимая моя, прости,
я о тебе забыл

и убежал, чтоб жизнь спасти,
которую не жил.

Я так хотел быть вновь с тобой,
молил побыть с тобой.

...Но отняли навек покой
глаза в глуши лесной.

* * *

Вот церковь. Вот Мемориал,
приют последний и причал
для курских моряков.

Здесь неуместно говорить,
мол, пацаны: им жить да жить.
Не надо громких слов.

Лежат спокойно моряки
в земле, а наверху – венки,
на площади концерт,

шары воздушные, салют,
и взрослые с детьми идут –
есть жизнь, а моря нет.

А если есть оно за той
чертой, последней, роковой,
как жизнь есть после смерти –

о чём тогда из глубины,
присяге навсегда верны,
молчат мальчишки эти?